

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КООПЕРАТИВОВ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЕНИСЕЙСКОЙ И ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Зарождение в России кооперативного движения и дальнейшее его развитие было неразрывно связано с государством. Взаимоотношения кооперации с органами власти всегда были непростыми. История содержит большое количество примеров как плодотворного сотрудничества государства и кооперативов, так и взаимного неприятия друг друга. Во многом это определялось политической и экономической ситуацией, которая складывалась в стране.

Спецификой кооперативного строительства в Сибири являлось то, что общества и товарищества, функционировавшие здесь, были сильно политизированными. Это обстоятельство, возможно, и предопределило их напряженные отношения с органами государственной власти. На политизированности кооперативов сказывалось, прежде всего, то обстоятельство, что их инициаторами и видными функционерами становились политические ссыльные. Это было характерно и для подобного рода организаций в Енисейской и Иркутской губерниях. Так, в докладе на юбилейном заседании правления Енисейского губернского союза указывалось: «Пять лет назад группа невольных жителей нашей губернии организовала... торгово-промышленное товарищество кооперативов...»¹. Еще одним доказательством этого положения является политическое обозрение помощника начальника жандармского управления по Иркутской губернии. Говоря о кооперации в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском уездах, он указывал, что «главный контингент ее членов состоит из политических ссыльнопоселенцев, взявших в свои руки все дела кооперативов, и служат в качестве председателей, секретарей, кассиров, продавцов и т. п.»².

Через кооперативные организации большевики, эсеры и представители других политических партий осуществляли различного рода агитационные мероприятия. Шеф жандармов еще в 1909 г. предписал губернаторам строго следить за политической благонадежностью членов кооперативов, тщательно проводить ревизии, обращая особое внимание на то, чтобы «денежные суммы не расходовались под вымышленными предлогами на цели

незаконные и не предусмотренные уставами», и «разрешать новые кооперативы только после тщательной проверки политической благонадежности учредителей, проверяя, не являются ли эти учредители лицами подставными»³.

Таким образом, власти разными способами пытались помешать проникновению политических ссыльных в различные общественные организации, в том числе и кооперативные. Так, например, минусинский исправник в Енисейской губернии запретил кооперативам не только принимать ссыльных в члены, но и допускать их в качестве простых слушателей на общие собрания обществ⁴.

Однако, несмотря на все усилия органов власти, оградить кооперацию от ссыльных не получалось. Не имея юридической возможности попасть в число членов кооперативов, ссыльные становились кооперативными работниками, причем пребывание ссыльных на различных мелких должностях было распространенным явлением. «Нет ни одного ссыльного, – писали жандармские чины в департаменте полиции из Минусинска, – который бы ни принимал того или иного участия в кооперативном строительстве, дающим им заработок от 50 до 150 руб. в месяц»⁵.

Политически «неблагонадежный» состав обществ и товариществ во многом определял политику их управления. Руководители кооперативов в ущерб деятельности товариществ и обществ часто использовали деньги на политические нужды. Кооперативные организации становились прикрытием в деятельности революционеров и представителей различных партийных организаций. В результате экономическая составляющая в деятельности кооперативов все меньше интересовала политически активных руководителей. «Теневая» сторона деятельности также усиливала конфронтацию с властями.

Несмотря на все противоречия, государство в лице различных ведомств и отдельных чиновников пыталось, насколько это было возможно, наладить с кооператорами деловые отношения. Заведующий землеустройством и переселением по Иркутской губернии признавал кооперативные организации, прежде всего потребительские, желательными для открытия среди переселенцев. «Именно переселенческие поселки, особенно в удаленных и обособленных районах, более всего нуждаются в существовании хорошо поставленной потребительской лавки. Замена частного торговца в деревне сельской потребительской лавкой способствовала

бы сохранению у переселенцев значительных денежных средств, содействуя тем самым более прочному устройству их на новых местах»⁶. Переселенческому управлению предлагалось взять на себя обязанность в деле распространения потребительских обществ, если население по каким-либо причинам не проявляло инициативы в устройстве указанных обществ. Объяснялось это тем, что «подобное вмешательство в народно-хозяйственную жизнь является мерой разумной экономической политики, предусмотрительно учитывающей накопление и рост положительной хозяйственной деятельности населения. Важно лишь, чтобы создаваемый таким путем кооператив был на своем месте и создавался бы по типу, наиболее отвечающему поставленной им цели. В отношении потребительских лавок сделать это тем проще, что как торговые предприятия вообще они ценны сами по себе, ибо лавка, продающая недорого и безубыточно для себя, – уже положительное явление»⁷.

Еще одним примером положительного взаимодействия властей и кооперативов было активное участие последних в мероприятиях, организовываемых правительством во время Первой мировой войны. Кредитные товарищества Енисейской губернии участвовали в реализации военного займа 1916 г.⁸ С 15 июля 1915 г. на Западном фронте работал передовой отряд имени енисейских кооперативов, деятельность которого заключалась в оказании врачебной помощи раненым, транспортировке их до госпиталей, устройстве бань и прачечных для солдат, а также организации питательных пунктов для беженцев и чайных для солдат⁹. Отряд был создан в основном на деньги, которые собрали кредитные товарищества Енисейской губернии.

Таким образом, взаимоотношения кооперативов с государственными органами власти в Енисейской и Иркутской губерниях на всем протяжении изучаемого периода были сложными. Участие политических ссыльных в работе кооперативных организаций обусловило контроль за ними со стороны органов власти. Цели экономического ослабления кооперации властями не ставились.

Примечания

1. ГАКК. Ф. р-127. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.
2. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 992. Л. 59–60.
3. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня на пути к Октябрю (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. С. 405.
4. Кооперативная жизнь. 1916. № 8. С. 389.

5. *Запороженко Г. М.* Основные черты развития городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/0,26html>. (дата обращения: 06.12.2005).
6. ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 31. Л. 5об.
7. ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 31. Л. 5об.
8. Сибирская деревня. 1916. № 9–10. С. 29.
9. Вестн. мелкого кредита. 1915. № 49. С. 2172.

МАНТУРОВА С. Ч.

ПРОБЛЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ Г. ИРКУТСКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Российское законодательство в области социального призрения отличалось чрезвычайным многообразием законодательных актов. Среди них особую группу представляют законодательные акты регулирующие деятельность благотворительных обществ и частных лиц. Эти небольшие, но весьма многочисленные документы содержатся в Полном Собрании Законов Российской империи. По своему содержанию они больше соответствуют административным распоряжениям. В основе данного факта лежало то, что любое «волеизъявление» императора приобретало силу закона и становилось обязательным для исполнения.

Наибольшее количество законодательных актов в области благотворительности было принято в пореформенный период. Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. способствовали повышению общественной активности российского общества, его участию в благотворительной деятельности, развитию форм и методов социальной помощи населению.

В Полном Собрании Законов Российской империи содержатся законодательные акты, посвященные благотворительности г. Иркутска. Они представляют особый интерес, поскольку общественные и культурные инициативы, рождавшиеся в этом городе, имели огромное значение. Как правило, они получали дальнейшее распространение в других городах Восточной Сибири.

27 октября 1857 г. было принято Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об устройстве в Иркутске больницы и богадельни на капитал, пожертвованный почетным гражданином Кузнецовым»¹. Следует заметить, что оно занимает